

SONDERFALL SCHWEIZ: WILLENSNATION («ДОБРОВОЛЬНАЯ НАЦИЯ») ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИЯ*

А. И. Абалян

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена исследованию истоков швейцарской государственности, рассматриваемых через призму концепций политической и культурной нации. Прослеживаются основные этапы становления Старой Конфедерации, особенности формирования уникальных общественных институтов, таких как прямая демократия, реализуемая путем плебисцитов, коммунизм, кооперативизм, вечный нейтралитет. Особое внимание уделяется лингвистическому фактору в политической жизни страны и его конфликтогенному потенциалу. Автор приходит к выводу, что совокупный эффект консоциальной демократии и пересекающихся лояльностей в комплексе с институционально закрепленным квадрилингвизмом снижает вероятность развития этнополитических конфликтов в стране. Отмечается также, что на протяжении большей части своего исторического и политического развития Конфедерация не формировала всеобъемлющей инклюзивной модели патриотизма, сохраняя и культивируя как партикуляризм, так и автономию входящих в нее сообществ. Отстаивая концепцию «добровольной нации» (Willensnation) в качестве основного источника швейцарской государственности, автор апеллирует к таким факторам, как особенности исторического развития страны и ее географического положения в окружении европейских абсолютистских режимов, институт прямой демократии, феномен «кантонизации», религиозный ландшафт, высокий уровень грамотности населения, способствовавший социальной коммуникации, экономическая модернизация, система «языковой гармонии» (Sprachfrieden). В заключение отмечается, что в конце XIX в. на основе гражданской идентичности постепенно формируется и культурное национальное сознание под влиянием государственного патриотического дискурса, объединившее комплекс мифов, символов и нарративов с институтами Конфедерации. Результатом этого процесса стал симбиоз гражданской и культурной составляющих швейцарской национальной идентичности.

Ключевые слова: Швейцария, гражданская нация, Willensnation, идентичность, нациестроительство, квадрилингвизм, прямая демократия.

Швейцария представляет собой идеальный объект исследования, являясь уникальной моделью нациестроительства, единственной современной политической системой, опирающейся на принцип прямой демократии, языкового равенства (квадрилингвизма) и вечного нейтралитета. Швейцария также выступает примером успешной интеграции различных культурных сообществ, экономической модернизации, одним из эталонов современного мира и синонимом политической и финансовой стабильности и процветания, недаром на

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ RSF_SRG_2023 — 1 № 23-28-00360 «Этнофедерализм как форма национального самоопределения: сравнительный анализ».

определенных этапах Камерун комплиментарно называли Африканской Швейцарией, Уругвай — Швейцарией Южной Америки, а Ливан до гражданской войны 1975 г. — ближневосточной Швейцарией. Закономерно, таким образом, что кейс Швейцарии вызывал и вызывает интерес среди ученых, в особенности с учетом отличий парадигмы ее исторического и политического развития от других европейских государств. Окруженные могущественными монархиями крошечные Landsgemeinekantone (кантоны с собственными народными ассамблеями) и города-республики более всего напоминали древний идеал полисов Античности. Республики и конфедерация, а позже — формы прямой демократии на коммунальном, кантональном и национальном уровнях служили центром притяжения для различных республиканских, демократических, федеративных и массовых движений; форма швейцарского государственного устройства и национального согласия виделась многим как прообраз всеобъемлющей Лиги народов. Это дополнялось и романтизацией и мифологизацией жителей Конфедерации — альпийских пастухов или фермеров, которые, будучи прославлены литературным жанром путешествия в XVIII в., представлялись утопическим идеалом эпохи Просвещения в своей первозданной чистоте и близости к природе. На более современном этапе создание Европейского союза трактовалось рядом исследователей как «швейцаризация» Европы, как модель, представляющую альтернативу государству-нации.

Все вышеперечисленное и обусловило цель настоящего исследования, заключающуюся в осмыслении «особого случая Швейцарии» (Sonderfall Schweiz) как модели нациестроительства в условиях мультикультурного сообщества.

Можно выделить несколько подходов к исследованию генезиса швейцарской государственности. Один из наиболее общепризнанных подходов основан на консоциальной теории А. Лейпхарта, согласно которой «кантонизация» является конфликторегулирующим инструментом, где мультиэтническое государство делится на небольшие части, каждая из которых обладает своим микросуверенитетом в условиях децентрализованной политической системы и небольшой территории [Lijphart, 1977, p. 75–81]. К. Дойч объясняет уникальность швейцарского опыта многовековым процессом политического взаимодействия нескольких культурных групп, которое породило комплекс общих институтов, таких как коммунизм, народная армия и политический нейтралитет, составивших в итоге основу швейцарской национальной идентичности. [Deutsch, 1976]. Г. Кон, в свою очередь, представляет Швейцарию как либеральный вариант национализма, основывающегося на либерально-демократических институтах, а не на этнокультурном базисе. Он видит причины стабильности и устойчивого развития полиэтнической и мультилингвистической конфедерации в особом типе гражданской идентичности швейцарского сообщества, сложившегося исключительно как политическая «добровольная» нация (Willensnation) [Kohn, 1956].

Во многом разделяя точку зрения Кона о феномене гражданственности в качестве основного источника швейцарской государственности, считаем необходимым кратко пояснить используемый в настоящей работе понятийный ряд в рамках двух классических подходов к формированию нации. Первый —

условно западный «субъективный» вариант понимания нации как суверенитета народа как политически связанной общности или, согласно классической метафоре Э. Ренана, нации как «ежедневного плебисцита»; и второй, применяемый в большей степени к странам Центральной и Восточной Европы и являвшийся основным элементом эпохи национализма, — «объективный», или этнический подход к определению нации, обусловленный такими факторами, как происхождение, язык, культура, раса. Иными словами, мы имеем дело с различием между «политической нацией» и «культурной нацией» или, по определению М. Райнера Лепсиуса, «нацией граждан» (Staatsbürgernation) и этнической нацией (Volksnation) [Lepsius, 1990, p. 232–246], демосом и этносом.

В нашем представлении, Швейцария на протяжении большей части своей истории являлась «нацией граждан» *par excellence*, лишь в XX в. приобретая черты культурной «органической» нации.

Официальное название Швейцарии — Швейцарское клятвенное товарищество (Schweizerische Eidgenossenschaft), отражает во многом как суть, так и историю формирования швейцарского государства, которое складывалось с опорой на общность интересов и ценностей, а не на возвышение одного политического центра.

Ключевой датой, которая обладает как политическим, так и важнейшим символическим значением, является 1291 г. и подписание Союзной грамоты «Bundesbrief»¹ тремя лесными кантонами — Ури, Швиц (откуда пошло название Швейцарии) и Унтервальден, согласно официальной национальной легенде, давших клятву (Ruetlischwur) оказывать друг другу помощь против насилия и несправедливости, как в пределах «долин», «регионов», так и за их границами. Несмотря на то что договор заключался на латыни и, вероятнее всего, представителями знатных родов (хотя конкретные имена в документе не упоминаются, что может свидетельствовать о некоей коллективной воле), социально-экономический контекст заключенного коллективного договора позволяет сделать вывод о совпадении интересов народа и знати.

Здесь следует выделить еще один источник швейцарской государственности, базирующейся на принципе коллективной (кооперативной) взаимопомощи и ответственности. Еще начиная с XIII в. многие пастбища и лесные угодья обрабатывались совместно геноссаменами (Genossamen) или корпорациями, т. е. находились в корпоративном управлении (кооперативные предприятия сохранили свою значимость и на современном этапе, составляя большую долю национального ВВП Швейцарии, например такие бизнес-гиганты, как Соор и Migros). Эти кооперативы лежат у истоков политического швейцарского общества, так как именно из них развились общины/муниципалитеты (коммуны) — самый базовый, следовательно, важнейший уровень федеративной системы страны (принцип *bottom up democracy*). До сих пор несколько архаичная система коммун сохраняет свою значимость в Швейцарии, где в национальных паспортах указывается не только название кантона и место рождения, но

¹ «Bundesbrief» 1291. URL: <https://www.admin.ch/gov/de/start/bundesrat/geschichte-des-bundesrats/bundesbrief-von-1291.html> (дата обращения: 24.04.2023).

и родина предков гражданина (*Heimatort* или *lieu d'origine*), т. е. та коммуна, которая в случае необходимости вплоть до 2011 г. обязана была брать на себя заботу о человеке или его семье. Интересно при этом, что после вступления в брак в паспорте жены родина меняется на родину супруга, которая станет и родиной их будущих детей.

С традицией корпоративизма связаны и такие современные формы сотрудничества в Швейцарии, как ассоциации, которые охватывают все мыслимые области человеческой деятельности (сейчас их насчитывается от 80 тыс. до 100 тыс.), согласно ст. 60–79 Гражданского Кодекса², хотя и могут использовать коммерческие практики, но в интересах общественного блага.

Союзная грамота 1291 г. положила начало формированию в немецкой части Швейцарии Старой Конфедерации в форме союза между городами и долинами, которая, расширяясь по мере утраты контроля Габсбургами, защищала старые традиции коммунальной демократии и препятствовала любым попыткам централизации со стороны как светских, так и религиозных деятелей. В то время как большинство современных государств сформировались в ходе борьбы с партикуляризмом их составных частей, например во Франции, где национальная идея распространялась из центра, или в Германии, где партикуляризм отдельных княжеств веками препятствовал объединению страны, Швейцарская Конфедерация, напротив, возникла, сохраняя и культивируя как партикуляризм, так и автономию входящих в нее сообществ (*Orte* или *Staende*, слово кантон стало применяться только с 1505 г., с легкой руки Папы Римского, пригласившего швейцарских ландскнехтов составить его личную гвардию).

К середине XIV в. к Конфедерации присоединились еще пять регионов, в том числе Цюрих и Берн, сформировав союз восьми кантонов (*Acht Orte*), объединенных двусторонними договорными соглашениями о вечном союзе, чьи взаимоотношения были институционально закреплены договором при Земпахе (*Sempacherbrief*) в 1393 г. — еще одним ключевым документом, символизирующим развитие швейцарской государственности, гласившим, что кантоны не имеют право начинать войну без согласия других. Третьим основополагающим документом стал Станский договор (*Stanser Verkommnis*) 1481 г., устранивший латентный конфликт между городскими и лесными (сельскохозяйственными) кантонами, в результате чего к Конфедерации в качестве полноправных членов присоединились кантоны Фрибург и Золотурн.

До появления идей гельветизма в эпоху Просвещения, Конфедерация не формировала какой-либо всеобъемлющей инклюзивной модели патриотизма; каждый из швейцарских кантонов действовал независимо и исключительно в собственных интересах. Это были политически неоднородные, автономные, суверенные политии, которые были связаны между собой только двусторонними или многосторонними союзными либо договорными соглашениями, ограничивающимися взаимопомощью в случае внешней агрессии. Кантоны имели

² Swiss Civil Code of 10 December 1907 (Status as of 23 January 2023). URL: https://fedlex.data.admin.ch/filestore/fedlex.data.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/20230123/en/pdf-a/fedlex-data-admin-ch-eli-cc-24-233_245_233-20230123-en-pdf-a-2.pdf (дата обращения: 19/04/2023).

в своем подчинении еще ряд территорий, которые находились либо в совместном, либо в индивидуальном управлении. Эти союзы не имели общих политических институтов, за исключением ассамблеи делегатов — Диета (Tagsatzung), основанного в 1500 г., не имевшего обязывающих полномочий, но выступавшего в качестве арбитра в межконфессиональных разногласиях и обладавшего правом налагать санкции на кантон, не выполнявший условий союзных договоров (как, например, Цюрих в Староцюрихской войне 1440-х годов). Таким образом, несмотря на неформальный характер Диета, он стал важным инструментом объединения сначала восьми, а затем тринадцати кантонов, превращения их в Товарищество.

Единственная попытка изменить федеративную структуру Конфедерации была предпринята во время наполеоновского вторжения в результате основания Гельветической Республики в 1798 г., которая просуществовала менее пяти лет, продемонстрировав несовместимость французской модели «единой и неделимой нации» с принципами швейцарского самоуправления. Освобожденные Наполеоном франко- и италиязычные зависимые территории предпочли этнической и лингвистической общности и национальной независимости политическую лояльность и идеалы конституционных свобод в рамках швейцарской Конфедерации (в Тичино, например, под лозунгами «Свободные и швейцарские») [Schoch, 2000, p. 23]. Тем не менее именно наполеоновский Акт примирения 1803 г. способствовал развитию идеи самоценности кантональной автономии, вкпе с революционно-эгалитарным равенством и новым духом национализма, на основе которых впоследствии сформировалась свободная либеральная демократическая Швейцария.

Парадоксально, что именно 1798 г. можно датировать появление феномена мультилингвизма, который на сегодняшний день считается одной из основ швейцарской государственности, что было связано с распространением Парижем в пропагандистских целях Конституции Гельветической Республики на французском, немецком и итальянском языках, ставшей прообразом существующей государственной системы «языковой гармонии» (Sprachfrieden).

В Швейцарии не было абсолютистской монархии, которая способствовала бы религиозной и/или лингвистической гомогенности, как во Франции, Испании или Англии. Когда Швейцария преобразовывалась в современную государство-нацию (из мозаичного сообщества в период до Нового времени), страна все еще разделялась на франко-, немецко- и италияноязычные части, также как и на католические и протестантские регионы. Однако, за исключением эпохи Первой мировой войны, когда возник символический Roestigraben³ — картофельный ров, который отделил франкофонную часть Швейцарии от немецко-

³ Название Roestigraben происходит от популярного в немецкой части Швейцарии блюда из рубленого жареного картофеля. Примечательно, что эта воображаемая граница проходит по реке Зарине, протекающей через город Фрибург, центр одноименного кантона, являющегося двуязычным — франко-немецким. На более современном этапе появилась еще одна граница, скорее пародийного характера, — так называемый Polentagraben, отделяющая кантон Тичино от остальной Швейцарии.

язычной, линии политического раскола никогда не совпадали с конфессионально-лингвистическими границами [Wimmer, 2002, p. 223].

Исторически это можно объяснить определенным смешением языков, отсутствием четко обозначенных границ как религиозных, так и языковых общностей. Например, элиты Берна, в отличие от простых горожан, принадлежали скорее к французской культуре; в контролируемом Берном кантоне Во также говорили по-французски; в кантоне Гризон сосуществовали немецкий, итальянский и ряд романских языков (на сегодняшний день в Швейцарии есть три двуязычных кантона — Фрибург, Валле и Гризон). Таким образом, язык и культура были скорее показателями социального статуса отдельных семей, а не характеристикой кантональной политики. До сих пор на уровне внутринациональных стереотипов существует (закономерно в основном во франкофонной среде) представление о жителях французской Швейцарии как о более рафинированной и привилегированной части населения. Однако, сохраняясь на уровне межличностного общения, это никоим образом не влияло на транскантональные отношения, сохранявшие общность интересов через лингвистические границы.

Гораздо более значимым конфликтогенным фактором в Старой Конфедерации являлись конфессиональные противоречия. В Швейцарии в целом традиционно существовала тесная связь политики и религии — местные potentаты легитимизировали свою власть в религиозных терминах, а защита истинной веры считалась одной из основных задач правящих городских элит. Церкви выполняли значимые политические функции: приходы обладали квазиофициальными полномочиями — членство в местной коммуне автоматически означало принадлежность к местной церкви. Важнейшую роль играло и то, что в юрисдикцию церквей входила система народного образования, что, как ни парадоксально, в итоге способствовало укреплению вертикальных транскантональных связей и повышению уровня толерантности в швейцарском обществе. Децентрализованная политическая природа Швейцарского Союза и, соответственно, ограниченные возможности системы «Чья власть, того и вера», закрепленной Вестфальским договором, вели к сохранению религиозного соперничества между протестантскими центрами, такими как, например, цвинглианский Цюрих и кальвинистская Женева, и католическими альпийскими регионами, и естественным образом увеличивали значимость образования населения для распространения конфессионального влияния. В итоге, так как уровень грамотности населения был очень высок по сравнению с другими странами Европы, уже к концу XVII–XVIII вв. швейцарцы имели доступ к большому числу газетных изданий, а также философской и научной литературы; литературные общества и книжные клубы существовали по всей стране, объединяя людей всех сословий, включая крестьян и ремесленников [Wimmer, 2011, p. 725], создавая беспрецедентно высокий уровень социальной коммуникации и тем самым укрепляя чувство согражданственности, характерной для «добровольной нации».

Современное федеративное государство, сформировавшееся в 1848 г. из Старой Конфедерации независимых *Landsgemeindekantone* и городов-республик, на 50 лет предвосхитило эпоху национализма. Подъем либераль-

ного движения в Европе и в самой Швейцарии привел к гражданской войне (Sonderbundskrieg) между консервативными силами, выступавшими за сохранение status quo и независимость кантонов, и радикалами/либералами — сторонниками интеграции. В результате победы последних страна превратилась в единое экономическое и валютное пространство (швейцарский франк был введен в 1850 г.). Федеральная конституция 1848 г. институализировала понятие швейцарского гражданства; гарантировала политическую свободу, равенство граждан, государственный вечный нейтралитет, равные политические права всех кантонов вне зависимости от религиозных и лингвистических границ⁴, т. е. швейцарская концепция нации являлась исключительно политической, в ней национальность выступала синонимом гражданства.

Очень типичным в этом контексте является отсутствие официальной столицы государства. В ходе трансформации Диета в Федеральное собрание Берн был избран в качестве федерального города (Bundesstadt), а не столицы (Hauptstadt). Немаловажно также и то, что кантональные советы (Staenderat) на романских языках назывались Государственные Советы (Conseil des Etats). То, что Конституция 1848 г. включала «решение» языкового вопроса, не рассматривалось как значимое достижение, так как не считалось столь фундаментальной проблемой (в отличие, например, от опыта Бельгии). Обуславливалось это скорее всего тем, что в Швейцарии никогда не предпринималось попыток провозглашения одного официального языка или политики насильственной ассимиляции лингвистических меньшинств. Также ни один из существующих языков не был низведен до статуса патуа (patois) или вернакуляра (как, например, во Франции). Это в особенности было показательно для ретороманского языка, частично используемого только в кантоне Граубюнден: ему в 1938 г. под лозунгом интеллектуальной защиты страны был придан статус четвертого национального языка в попытке оградить Швейцарию от этноцентричных и националистических движений [Schoch, 2000, p. 4].

Наибольшую национальную гордость вызывала принадлежность к единственному либеральному государству в Европе. Эта же гордость своей политической системой сохранилась и на современном этапе, что следует из результатов опросов Swiss Eurobarometer⁵, согласно которым разные лингвистические группы демонстрируют фактически идентичные показатели в своем отношении к Швейцарии в целом. Поправки к Федеральной Конституции, принятые в 1874 г., закрепили равенство статуса немецкого, французского и итальянского языков в армии, образовании и государственном управлении и в еще большей степени расширили области применения прямой демократии, учредив систему референдумов и наделив народ правом законодательной инициативы вместо

⁴ Federal Swiss Constitution of 1848. URL: <https://www.parlament.ch/en/über-das-parlament/how-does-the-swiss-parliament-work/Rules-governing-parliamentary-procedures/federal-constitution/federal-constitution-1848> (дата обращения: 15.04.2023).

⁵ Swiss Eurobarometer (2003). URL: <https://devisu.forscenter.ch/index.php/catalog/1047> (дата обращения: 29.04.2023).

существовавшего ранее «права вето», позволявшего утверждать законопроекты, одобренные парламентом.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XIX в. Швейцария сложилась именно как Willensnation (добровольная нация), ставшая выражением общей коллективной воли к формированию нации. Сам этот термин был введен в 1875 г. швейцарским юристом Карлом Хилти и стал с тех пор ключевым понятием, характеризующим суть швейцарской государственности (слово Willensnation и сегодня звучит во всех торжественных речах на национальных праздниках). Это понятие сакрализировалось самим Хилти «как общность, покровительствуемая Богом и имеющая специальную миссию как избранный народ» (цит. по: [Wimmer, 2002, p. 235]).

О формировании культурного компонента национальной швейцарской государственности можно говорить только начиная с конца XIX в. Он возник скорее всего как реакция на развитие европейских национализмов (особенно итальянского и немецкого), напомнившее швейцарцам, что, как описывал это М. Вебер, они не являются нацией, если в качестве критерия рассматривать общий язык, литературу и искусство [Weber, 1968, p. 397].

В этот период было преодолено и основное политическое разделение — религиозное, сменившись мощным государственным патриотическим дискурсом. Федеральным центром внедрялся целый комплекс национальных мифов, нарративов и символов, призванных укрепить швейцарское «воображаемое сообщество»: основание Дня независимости (1891), приуроченного ко дню Союзной клятвы (Ruetlischwur), распространение памятников, увековечивающих памятные даты истории Конфедерации, проведение общенациональных выставок (1883, 1890), появление национальных библиотек и архивов и т. д. Это создало новое измерение швейцарской национальной идентичности, добавив элемент культурной «органической» составляющей к существующей Willensnation.

При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что возникновение категории культурной национальной идентичности в Швейцарии не являлось результатом некоего консенсуса между элитами, представляющими интересы каких-либо этнических или лингвистических групп, так как французских, немецких или итальянских групп элит просто не существовало. Здесь можно согласиться с Ю. Хабермасом в его утверждении, что в мультикультурных обществах политическая национальная идентичность, не опирающаяся на общий язык или этничность, может создать альтернативные источники гражданской солидарности [Habermas, 1998, p. 117].

Длительным и дискретным, в особенности в ходе мировых войн, но в итоге успешным был процесс укоренения культурной национальной идентичности в швейцарском обществе, где как среди политических элит, так и среди населения превалировали кантональная и в особенности коммунальная (как члена муниципалитета (коммуны)) идентичности. Швейцария выступает примером того, как политическая модернизация привела к интеграции различных лингвистических и религиозных сообществ в рамках всеобъемлющего национального компромисса. Результатом этого процесса стала самоидентификация швейцарцев как гражданской нации и культурно плюралистической политики —

классического примера модели “e pluribus unum”, характеризующейся как знаменитым квадрилингвизмом, так и квадриидентичностью, включающей уровни кантональной, лингвистической (культурной), коммунальной и общенациональной (гражданской) идентичности.

Литература/References

Deutsch K.W. *Die Schweiz als paradigmatischer Fall politischer Integration*. Bern: Paul Haupt, 1976.

Habermas, J. *Die postnationale Konstellation: Politische Essays*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998.

Kohn H. *Nationalism and Liberty: The Swiss Example*. London: Allen and Unwin, 1956.

Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, London: Yale University Press, 1977.

Lepsius R. M. *Ideen und Institutionen*. Opladen: Westdeutscher, 1990

Schoch B. *Switzerland — A Model for Solving Nationality Conflicts? Peace Research Institute Frankfurt Report No. 54/2000*. Available at: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_downloads/prif54.pdf (accessed: 1.05.2023).

Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. New York: Bedminster Press. 1968.

Wimmer A. *Nationalist Exclusion and Ethnic Conflicts. Shadows of Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Wimmer A. A Swiss anomaly? A relational account of national boundary-making, *Nations and Nationalism*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 718–737.

Абальян Анна Игоревна — канд. полит. наук, доц.; anna_abalyan@yahoo.com

Статья поступила в редакцию: 5 июля 2023 г.;

рекомендована к печати: 10 ноября 2023 г.

Для цитирования: Абальян А. И. *Sonderfall Schweiz: Willensnation* («добровольная нация») или мультикультурная политика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 1. С. 95–104. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.108>

SONDERFALL SCHWEIZ: WILLENSNATION (NATION BY WILL) OR MULTICULTURAL POLITY*

Anna I. Abalian

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.abalyan@spbu.ru

The article is devoted to the study of the origins of Swiss statehood, regarded through the prism of the political and cultural nation concepts. It traces the main stages of the Old Confederation, features of the formation of unique public institutions, such as direct democracy, communalism, eternal neutrality. Special attention is paid to the linguistic factor in the political life of the country and its conflict potential. The author concludes that the cumulative effect of consociational democracy and cross-cutting cleavages, together with institutionalized quadrilingualism, reduces the probability of ethno-political conflicts. Advocating the concept of “nation by will” (Willensnation) as the main source of Swiss statehood, the author appeals to such factors as the peculiarities

* The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant RSF_SRG_2023 — 1 no. 23-28-00360 “Ethnic Federalism as a model of national self-determination: a comparative analysis”.

of the historical development of the country and its geographical position in the environment of European absolutist regimes, direct democracy, “cantonization”, religious landscape, high level of literacy of the population, contributed to social communication, economic modernization, system of “linguistic harmony” (Sprachfrieden). In conclusion, it is argued that in the late 19th century on the basis of civil identity, the cultural national consciousness was gradually formed under the influence of the state patriotic discourse, which united a complex of myths, symbols and narratives with the institutions of the Confederation.

Keywords: Switzerland, political nation, Willensnation, identity, nation-building, quadrilingualism, direct democracy.

Received: July 5, 2023

Accepted: November 10, 2023

For citation: Abalian A. I. Sonderfall Schweiz: Willensnation (nation by will) or multicultural polity. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 95–104.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.108> (In Russian)